История одной любви

Category: Edebi makalalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
История одной любви ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Это повествование об известном поэте и переводчике, большом друге туркменской литературы Георгий Николаевиче Веселкове. О человеке сложной судьбы, испытавшем репрессии в годы культа личности, прошедшем сквозь муки лагерной Сибири.

* * *

Он родился на Украине в городе Конотопе (ныне Черниговская область) 7 июня 1899 г. в семье железнодорожного мастера Николая Николаевиче Веселкове, в то время работавшего в станционном депо. Отец поэта умер в г. Свердловске в 1950г. Мать – домашняя хозяйка, умерла в 1919 г. Два брата – Борис и Павел – погибли на фронтах Великой Отечественной.
Учиться Георгий начал в гор. Старая Русса, где его отец отбывал наказание за участие в забастовке железнодорожников в 1905 г. Николай Николаевич позднее переезжает в Петербург, работает техником строителем, затем на заводе «Вулкан» – техническим директором. Н.Н.Веселков работал и на других заводах в Петрограде и в Москве, вплоть до 1920 года, а затем переехал в Свердловск.
В Петроград Георгий переехал в 1912 году, начал учиться в Коммерческом училище, которое закончил весной 1918 года. Мать с младшими детьми жила в то время под Челябинском на станции Чебернуль куда летом 1918 г. выезжал и он.
Осенью, в августе или сентября 1918 г. (точно установить удалось) юноша был насильно мобилизован в колчановскую армию, служил рядовым, затем музыкантом, но зимой заболел тифом. В марте 1919г, его выписали из тифозного барака. Три месяца обессиленный Георгий пробыл у матери в отпуске, затем вместе с другими ослабленными солдатами был отправлен в глубь Сибири. В декабре 1919 г. воинский эшелон прибыл на ст. Иннокентьевскую

под Иркутском. Когда к станции подошли партизаны, к ним примкнули почти все из этого эшелона за исключением двух бежавших офицеров. Солдаты, перешедшие на сторону красных, участвовали во взятии Иркутска 24-25 декабря 1919 г. В Иркутске организуются советские части. Веселков с первых чисел января нового года стал секретарем командира 1-й Иркутской советской дивизии С.Симашко. Преследуя бежавших каппелевцев, дивизия пересекла Байкал и 1 марта захватила Верхнеудинск.
Началось формирование частей народно – революционной армии. Дальневосточной республики. Веселков работал в политотделе 2-й Верхнеудинской дивизии инструктором, затем редактором фронтового листка «Вперед». Дивизия участвовала в боях под Читой, когда 25 мая 1920 г. его приняли в партию по рекомендации начполитотдела Верхнеудинского гарнизона Федорова и комиссара бригады Конева.
После взятия Читы (октябрь 1920 г.) Георгий работал в политотделе бригады, в бригадной партшколе, затем был переведен в военно-политическое управление в Читу.
С осени 1927 года Георгий Николаевич работал в газете «На страже» (издавшейся в Москве). В ноябре 1928 г. в связи с отправкой кадров из центра на периферию, Веселков попадает в Ашхабад, в редакцию газеты «Туркменская искра», где работает на различных должностях – секретарем, зав. отделом, зам. Редактора. В 1936 г. Георгия Николаевича в Ашхабаде принимают в члены Союза писателей СССР. Затем он работает в Институте истории, языка и литературы. В июне 1938 года он неожиданно был арестован, а в октябре 1939 г. осужден по ст. 54-10 УК ТССР на 8 лет лагерей.
В апреле 1943 г. Г. Н. Веселков досрочно освобождается из лагеря по состоянию здоровья. Он возвращается в полюбившиеся ему Туркмению и в октября того же года приступает к работе в правлении Союза писателей ТССР.
Судьба человека многие годы прожившего в нашей республике и многое для нее сделавшей, не могла не взволновать меня. Я стал искать его близких, знакомых, родных. Наконец, мне повезло.

* * *

— Вы спрашиваете меня, как я познакомилась с Веселковым? И когда? В 1931 году, когда мой первый муж, Ораз Ташназаров привез меня из Москвы в Ашгабат. Идем с ним по улице Гоголя 8 июня, а нам встречу незнакомый человек. Ораз тогда мне сказал: «Вот идет Веселков поэт и переводчик, большой мой друг». Так мы и познакомились, — рассказывает Елизавета Ефимовна Веселкова (Ташназарова).

В 1931 году в конце декабря партия направила О. Ташназарова из Москвы в Ашхабад. Зав. кульпропом ЦК. Жить молодоженам было ни где. И тогда Веселков уступил им одну комнату в своей квартире. Ташназаровы прожили там до февраля 1932 года. А потом получили жилье на улице Некрасова, 42. Веселков часто приходил к ним. Иногда вместе с Оразом , прямо с работы, под вечер или к обеду. Веселков тогда изучал туркменский язык. Впоследствии кстати, он хорошо им владел . именно знание языка помогло ему удачно перевести поэму «Батрак» Ораза Ташназарова на русский язык в 1934 г. Позднее, на первом съезде писателей СССР, перевод и саму поэму одобрил Фадеев.

В 1935 году О.Ташназаров написал стихотворение от лица туркменских джигитов, участвовавших в конном пробеге. Оно было напечатано в «Правде», «Известиях». Перевод с туркменского осуществил Георгий Веселков. Приняли ее очень хорошо. В Ашхабаде в то время шли многочисленные собрания, митинги. Так, вот вначале, выступая, читал по-туркменски эти стихи Ташназаров, а потом, по-русски Веселков. Публика принимала и поэта, и переводчика с восторгом.

15 августа 1935 г. О.Ташназаров был назначен редактором газеты «Совет Туркменистаны». Георгий Николаевич работал по соседству ответственным секретарем в «Туркменской искре». Они ежедневно встречались, беседовали о судьбах национальной литературы. Веселков переводил все, что писал на туркменском языке его друг и был, пожалуй единственным переводчиком поэта о. Ташназарова (если не считать двух стихотворений, которые переводил Борис Пастернак).

… 21-го июля 1937 года был арестован Ташназаров. А днем спустя — его жена Елизавета Ефимовна, ожидавшая ребенка. Через месяц в тюрьме она родила сына Игоря.

Судьба Веселкова ненамного отличалась от судеб его лучших друзей. Вот только арестован он был годом позднее, 8 июня 1938 года. Кстати 7 июня у него был день рождения…
В лагере Веселков тяжело заболел. Здоровье его было подорвано. И вот – новый поворот в судьбе: по определению Верховного Суда Коми АССР от 8 июня 1943 года он получил право вернуться в Ашхабад. Там оставалось его семья – четыре дочери. Жена Веселкова Татьяна Ивановна полюбила другого человека и ушла, оставив отцу дочерей. С октября 1943 г. Георгий Николаевич стал работать в правлении Союза писателей ТССР и в журнала «Совет эдебияты».
– А я, выйдя из тюрьмы через год, все ждала Ораза, – вспоминает Елизавета Ефимовна. – В 1947 году срок заключения Ташназарова – 10 лет – кончился. Наконец-то, кончилась страшное безмолвие (он был выслан без права переписки). С надеждой пошла узнать что-то о дальнейшей судьбе Ташназарова. И тут услышала, что ждать мне ничего, что Ташназаров в лагере еще 5 ноября 1942 года? Спрашиваю: «А как же мы теперь? Ведь Ташназаров был «враг народа»? ужасно жить с этим клеймом. Сотрудник НКВД ответил: «Ну, знаете ли, сумейте как-нибудь прожить. Выходите замуж. Вы молодая женщина. Вам нужна еще семья. Вам нужно растить детей, у вас их двое». Я ушла в растерянности. В этот день я попала под машину…
… В ноябре 1947 года молодая вдова выехала в Татарию. Там под Казанью, в маленьком колхозе жили ее родители. Они написали дочери, трагичное письмо, умоляли помочь – они страшно голодают. И Елизавета Ефимовна начала действовать. Пошла в Казани на завод, носивший имя ее деда – большевика Сергея Горбунова. Рассказала там о своем положении, о том, что на руках и дети, и родители.
Ее направили совсем не на женскую работу – на лесоучасток №2 Марийской АССР, в тайгу на лесоповал. Через несколько дней туда переехала вся семья. Жили в маленьких в двух комнатах. А потом устроились по удобнее, в большом доме, где даже русская печка была, можно было и согреться, и готовить. Дочь Гульнара ходила учиться за 3 километра, по лесной просеке, в поселок Шеленгер. Девочка училась вначале в третьем классе, а потом, в

декабре, Елизавета Ефимовна помогла ей сдать экзамены, по всей программе, и Гульнара стала четвероклассницей.
В один из хмурых таежных вечеров молодая женщина вспомнила солнечный Ашхабад и решила поздравить давнего товарища Георгия Николаевича с приближающимся Первомаем. То, что Веселков вернулся и живет в Ашхабаде, она узнала в Москве от Берды Кербабаева перед отъездом в Казань.
Елизавета Ефимовна написала обо всех своих горестях, о том, что Ташназаров умер. Вскоре пришел ответ. Письмо было дружеским, задушевным. «Милая, Елизавета Ефимовна! Просто не знаю, Вас назвать, чтобы не обидеть, и чувства выразить. Спасибо Вам за такое сердечное письмо. Пожалуй, с одним только могу сравнить это письмо – с Вашим неожиданным появлением в Туркмении столько лет назад…
Вы просите прислать, что либо из моих новых работ. Я сейчас сам мало пишу. Все больше перевожу. Едва ли интересно Вам…
Вы пишите, что у Вас в золоте волос пробивается серебро. Я так ярко представляю себе эту роскошь, зажмурив глаза. У меня серебро пошло в бороду, которую я оставил на Стекольной улице, в тюрьме (в Ашхабаде А.Ч.). сейчас иногда, когда чувствую себя лучше, выгляжу совсем молодым, но лет мне уже 50 без одного года. Это не Ваши 34. Вам еще жить да жить!…».
– Вскоре пришло еще несколько писем. Георгий Николаевич объяснился мне в любви, но мне было как-то страшно. Как же так? Ораза уже, правда нет. Я уже одиннадцать лет вдова. И все-таки – трудно сразу ответить на чувства Веселкова. Но он мне с такой откровенностью писал письма. Писал, что он меня помнит, что помнит еще с 31-го года! – Продолжает Елизавета Ефимовна. – И, наверное, долго еще длился бы этот роман в письмах, если бы не случилось землетрясение.
Я так было поражена, испугана. Почему-то все представляла себе, что в Ашхабаде ни одного дома не осталось. Ведь почти все они были глинобитные или же кирпичные, но с земляными тяжелыми крышами. Неужели Георгия Николаевича уже нет? Неужели я его больше не увижу? Никогда не получу от него писем? Выслать телеграмму не было возможности из-за отсутствия связи. Через несколько дней я бегу на работу, как раз мимо почты. И

вдруг стучат в окно: «Зайдите!». Я зашла. «Пишите телеграмму в Ашхабад! Связь уже налажено!»
Отправила телеграмму Георгию Николаевичу. Подписалась там. «Целую Лиза». Получила от него телеграмму: «Погибла дочь Тата». Я написала письмо и просила его приехать ко мне и немного отвлечься от пережитого. Уже позднее его дочь Ксения рассказала, как Георгий Николаевич похоронил свою младшую дочь, восемнадцати летную Наташу, которую он называл татой. Ее и многих откапывал своими руками. Был безутешен. Но когда получил телеграмму от меня- подпрыгнул даже, рассмеялся, и сказал: «Есть, есть еще одна душа, которая меня любит!»
2 декабря 1948 года он прислал Елизавете Ефимовне подробное письмо. Описал, как произошло землетрясение, где он был и что случилось.
«В момент землетрясения я был на дворе, в саду. Может быть, помнишь, от ворот к нашей двери вела длинная аллея – шелковица, акации и две пихты. Я работал – переводил песню из «Зохре-Тахир». В комнате, на столике у машинки, лежали ноты, бумага. А я написав строку, гулял обдумывая другую… Я не дошел до дома шаговдесять, когда встряхнуло землю – и она словно запрыгала под ногами. Ночь была темная – только что скрылся молодой месяц. Дома Ксана и Тата уже спали, соседи тоже. Свет был только в моем окне и раскрытых дверях. Он мгновенно погас. Я едва удержался на ногах, присел – и в тот же момент рухнули сены, весь дом – и поднялась пыль, густая и темная, скрывая все. Мне казалось, что это не пыль и не дым, а это гул и треск рухнувшего вокруг стал видим и черной пеленой накатывается на меня. Я сразу понял, что это землетрясение. Но я не мог понять, не мог представить себе, что дома – моего, соседнего – больше нет, и что под балками, камнями, землей, годами копившейся на крышах, остались Ксана и Тата, соседи..
Я побежал к тому, что осталось, еще ничего не видя, громко крича. Я думал, что в темноте запутался в трех шагах от дома – и не могу найти его. Но это не я запутался – больше не было дома. Я искал угол – его не было, были под ногами куча кирпичей, балки. Все-же, какой-то угол я нащупал – здесь, по-моему, должна быть крайняя комната, где Ксана. Вот и окно. Я

не подумал, почему нет на нем ставни, которая всегда закрывается на ночь. Под руку попало стекло, – я вышиб его кулаком, перелез через подоконник в комнату… Темно, но потому, что тесно, по отдельным ощупью находимым вещам я понял, что это не может быть комната Ксаны. В это время слева и справа просветлело – теперь я из темноты смотрел на небо – я нашел двери влево – это были двери из моей комнаты в коридор. В этот момент я не сообразил этого, но понял, что комнаты дочек влево, и выбежал в эту дверь. Мне пришлось подняться вверх. Я очутился на крыше дома, полога подымавшейся влево. Крыша упала, прикрыв столовую, где спала Тата. Потом и она обрывалась – над комнатой Ксаны. Эта комната была сплошной грудой кирпичей и штукатурки. Где там крыша – мы с трудом разыскали и днем…

Ксану спасло то, что крыша от удара перелетело через нее, и то, что Ксана успела привстать на постели. Ее засыпало в полу сидячем положении. Бегая под обломками, я примерно определил место, где стояла кровать Ксаны, стал разбрасывать руками кирпичи и звать ее. Не знаю, скоро ли, но я услышал ее тихий отклик. Она потом говорила, что кричала во весь голос. На мой крик, что Ксана жива, подбежали двое соседей – они уже успели выйти во двор, выкарабкаться из, под своих развалин (а кое-кто спал еще во дворе). С их помощью, может быть, через час или больше, добрались до Ксаны. Ее еще вытаскивали, а я побежал назад, в темный колодец между рухнувшей крышей и стеной столовой, полу разваленной стеной, под которой стоял диван, на котором спала Тата.

Тату откопали к утру, вернее – нашли, где она. Она не успела встать, только опустила одну ногу, на ступню которой тут же рухнула стена. Тата укрылась головой – и так была засыпана больше чем на полтора метра.

Я никого не допускал к ней из родных – ни мать, которую под утро, раненную, привезли из общежития, ни Ксану, которая рвалась мне помогать. Помог мне муж Татьяны и соседи. Майор сделал гроб, я снимал доски для него с крыши. Яс ними уложил ее, укрыл. Ксана с соседкой принесли цветов. На третий день увезли ее в братскую могилу в Кеши… И только я один видел ее,

видел ее лицо – вот она и сейчас передо мной – а голоса я не слышу, а ведь она звала меня…».
После того письма Елизавета Ефимовна почувствовала особую теплоту к Георгию Николаевичу. Он писал ей печальные письма, очень сокрушался о смерти Таточки – это была его любимица. Елизавета Ефимовна тогда ему ответила: «Скажи богу спасибо, что он тебе оставил еще троих детей!». И прочитала в ответном письме: «Какой там бог! Когда тут не было божьего ничего. Если бы он был, то не позволил бы разрушить весь Ашхабад и уничтожить столько людей!».
Елизавете Ефимовне приходилось заботиться о сыне, о дочери, о старых родителях. Теперь она жила уже не в Шеленгере, а в поселке Сослонгере в Марийской АССР. Ей приходилось много работать, ездить в командировки, по четырнадцать километров пешком – и в дождь, и в снег, и в мороз. Как-то раз отморозила себе щеку. Написала Георгию Николаевичу о своем житье-битье, приглашала приехать сменить обстановку, отвлечься от горьких переживаний. Но он никак не мог выбраться. Две дочки учились в Москве, одна была с отцом в Ашхабаде. Нужно было всем помогать, работать – и как можно больше.
И все-таки он приехал! Было 4 мая 1949 года. Дал телеграмму Елизавета Ефимовна встречала его в Казани. Опустился самолет – небольшой транспортный. Вышли из него два человека. Один в тюбетейке. Неужели Веселков? Она бежала к нему через все поле. Она подбежала, бросилась на грудь. А сказать оба не могли ни слова – на глазах слезы, в горле комок.
Должно быть, оба они изменились – у Лизы не было прежнего ореола золотых волос, лицо Георгия изрезали глубокие морщины. Но как молодо сияли его глаза. Сели в поезд. В вагоне оказались вдвоем, да еще проводница.Елизавета Ефимовна стала рассказывать о своей жизни – об аресте, тюрьме. О том, как всего три месяца не дождавшись мамы, умер в доме матери и ребенка годовалый сынишка. «Знаю, знаю», – помрачнел Георгий Николаевич. О трагедии с сыном Ташназаровых узнал от Ольги Александровны Лозинской, работавшей в «Туркменской искре». От нее услышал много о жизниЕлизаветы Ефимовны, которая жила несколько дней у Ольги Александровны после освобождения от

тюрьмы.
Что ей рассказывал Веселков в вагоне, когда ехали до Сослангере? Как его арестовали, привезли на Стекольную улицу, в тюрьму. Там в камере сесть было невозможно – стояли впритирку друг к другу. Ну, а потом «тройка» осудила его на 8 лет, отправив на Север.
Георгию Николаевичу на Севере пришлось валить лес. Морозы стояли жуткие. Ноги обматывали кто чем мог, да че помогало это – до самой смерти остались синие большие пятна на ногах. Переболел воспалением легких, потом туберкулезом. Когда он окончательно слеги не мог работать, надзиратели часто выбрасывали его из барака на снег, «чтоб быстрее сдох». Иногда рядом бросали кусок хлеба. Возвращавшиеся с работы арестанты поднимали его, совсем обессилевшего, и заносили в барак. Потом – освобождение. В Ашхабаде лежал в госпитале, немного подлечили.
Там, в Сослонгере, он снова объяснился Елизавете Ефимовне в любви. А потом, поздно вечером, когда уже все спали, а они вдвоем сидели за столом, он вдруг произнес: «Дай мне свою руку. На всю мою оставшуюся жизнь». Она ответила: «Конечно, дам. Вот моя рука на всю жизнь». Он продолжал : «Я тебя буду всю жизнь на руках носить». 7 мая 1949 г., в День радио, они пошли в загс и зарегистрировали свой брак в Сослонгере.
– Знаете ли, ему не пришлось меня на руках поносить. Скорее, я его носила на руках, когда он был, болен врачи мне сказали, что это я ему подарила три последних года жизни. Медики отказалась уже лечить его, но все-таки приходили. И все они поражались, как я могу так ухаживать за человеком. Но ведь я его любила! Любила за все его страдания. За беды, которые он пережил, за все те муки, которые перенес. Да разве можно было не любить такого человека!
Гулнара часто спрашивала Георгия Николаевича о своем отце Оразе Ташназарове, – припоминает Елизавета Ефимовна. – И тогда на его глаза наворачивались слезы. Он говорил только: «Гульнара, пусть расскажет о нем твоя мать. Я его знаю, как прекрасного, самого лучшего поэта Туркмении. Не спрашивай у меня, мне очень тяжело о нем рассказывать. Мы с ним были

большие друзья. И может, поэтому, что мы были большие друзья, твоя мать и вышла за меня замуж».
— Что ты, Горюша, — говорила я ему тогда, — не потому я вышла за тебя замуж. А потому, что видела в тебе человека. Человека большой души. Большого таланта. Я тебя ценила как поэта. Ведь ты мне читал замечательные стихи! Мы с тобой словно бы вместе переводили. Ты же помнишь: я сидела за столом, что-то делал, — читала, шила. А ты ходил из комнаты в комнату, — помнишь это было в пятидесятом году. Иногда ты переводил ночью какое-нибудь понравившиеся стихотворение — и читал мне каждую строфу. И все спрашивал: ну как? А потом бежал сдавать стихи в редакцию. И только тогда я засыпала.
Да, Георгий Николаевич ей часто говорил, что она — настоящая помощница. Хотя сама Елизавета Ефимовна склонна считать, что никогда не помогала ему в литературной деятельности. Просто сидела с ним рядом, у стола, ночи напролет. Приносила чай, кофе.
Елизавета Ефимовна и по ныне бережно хранит два свидетельства о браке с Ташназаровым и Веселковым. Второй раз она овдовела в 46 с половиной лет. Тяжело перенесла новый удар судьбы. Долго болела не могла работать. И только много времени спустя она стала работать в книжном магазине. Она хранит память о Георгии Николаевиче.
В канун нового, пятидесятого, года Георгий Николаевич неожиданно подарил жене стихи и портрет, нарисованный карандашом… на грязном носовом платке. Этот его портрет написан художником в тюрьме. Георгий Николаевич кого-то из освободившихся попросил передать платок одной из дочерей. Дочь Ксана сохранила его. Этот портрет вместе со стихами с пятидесятого года так у меня и весит по сей день у меня в комнате.
Это самая дорогая реликвия, — сказала она.
Стихи я старательно переписал в блокнот. Вот они:

Мы там не видели друг друга,
Руки сложив за спиной,
Бродя по унылому кругу, —

Лишь вспоминали порой.

Но знаю – и эти мгновенья,
Гаснувшие без следа,
Как искры подземного тленья,
Вспыхнули через года!

Канун 1950 г. Веселкова Г.Н.,
Ашхабад.

А.Чуриев.

«Комсомолец Туркменистана» 01.08.1989 год. Edebi makalalar